

О.А. Ржешевский¹

У истоков «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

22 июня 1941 года, в день нападения нацистской Германии и её союзников на СССР, премьер-министр Великобритании У. Черчилль заявил о готовности оказать «России, русскому народу всю помощь, которую только сможем». 24 июня с заявлением о поддержке СССР выступил президент США Ф. Рузвельт. Западные лидеры приняли это решение после длительных сомнений и переговоров с СССР – нацистская агрессия угрожала независимости их собственных стран.

Великобритания к тому времени в течение года, по существу, в одиночестве защищалась от агрессоров, выдержала «блиц» – немецкое авиационное наступление – и находилась под постоянной угрозой штурма вермахтом Британских островов. На Тихом океане и в Юго-Восточной Азии владениям или сферам господства Соединенных Штатов и Великобритании угрожала Япония, реальным союзником в борьбе с которой, наряду с Китаем, мог быть только СССР. Такова была расстановка сил при формировании антигитлеровской коалиции – уникального объединения государств и народов с различными социальными системами, одержавшего в конечном итоге историческую победу над силами нацизма и милитаризма, спасшая человечество от фашистского порабощения.

Мировая история насчитывает тысячи коалиционных войн и военно-политических союзов, которые, достигнув своей цели в войне, распались. Это объясняется, прежде всего, тем, что входящие в коалицию государства преследуют не только общие согласованные цели в войне, но и собственные интересы, приоритетные для каждого из участников коалиции. Поэтому внутрикоалиционные отношения и стратегии часто носят противоречивый характер, что оказывает влияние на ход и исход войны. Особенностью антигитлеровской коалиции явилось то, что эти нестыковки проявились уже в 1941 г., постоянно нарастали и предопределили её распад ещё до окончания войны. В той или иной форме они были связаны с различными взглядами на ведение войны, представлениями о послевоенных границах, сферах влияния, устройстве мира и других, преимущественно геополитических факторах.² Остановимся на некоторых событиях и фактах, относящихся к зарождению холодной войны.

Первые трения в отношениях с СССР возникли в связи с Атлантической хартией – англо-американской декларацией Ф. Рузвельта и У. Черчилля, подписанной 14 августа 1941 г. на борту английского линкора «Принц Уэльский» в Атлантическом океане. В ней провозглашались важные принципы политики двух держав и цели войны: отказ от захвата чужих территорий, право народов самим избирать форму правления, обеспечение доступа на равных основаниях к мировым рынкам торговли и сырья, неприменение силы в международных отношениях, разоружение государств-агрессоров, восстановление суверенитета народов, лишенных своих прав, обеспечение мира, гарантирующего безопасность всех стран и народов, и другие. 24 сентября на Межсоюзнической конференции в Лондоне СССР присоединился

¹ Ржешевский Олег Александрович, доктор исторических наук, профессор, президент Ассоциации историков второй мировой войны, Национального комитета российских историков, заслуженный деятель науки РСФСР, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

² Подробнее см.: Холодная война 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. Сборник статей. Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. М. 2003; *Нарочницкая Н.А.* Россия и русские в мировой истории. Глава 9. М., 2005.

к Атлантической хартии, отметив, что применение её принципов «должно будет сообразовываться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или другой страны». Прежде всего, имелось в виду включенное по предложению Черчилля положение о восстановлении «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые лишены были этого *насильственным путем*»³ (курсив наш – *О.Р.*), исключавшее из их числа лишены суверенных прав народы колоний, что соответствовало имперским интересам Великобритании, но ставило под вопрос признание советских границ по состоянию на 22 июня 1941 г., т. е. с вошедшими в 1939–1940 гг. в состав СССР в условиях нахождения на их территории войск Красной Армии Прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии и Северной Буковины, а также части территории Финляндии, отошедшей к СССР по мирному договору 1940 г., которым завершилась «зимняя война».

В Москве, естественно, обратили на это внимание, посчитав целесообразным решить вопрос непосредственно с правительством самой Великобритании, что и произошло в декабре 1941 г. во время приезда в Москву министра иностранных дел А. Идена для подписания союзного англо-советского договора.⁴

16 декабря состоялась встреча Идена со Сталиным, в ходе которой советский руководитель предложил дополнить подготовленный проект союзного договора секретным протоколом, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Параграф 9 проекта секретного протокола предусматривал восстановление советских границ «как они были в 1941 г. накануне нападения Германии на СССР».⁵ Иден, не располагавший для подписания секретного протокола полномочиями, позднее писал о сложившейся обстановке: «Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменялась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России... Я затем объяснил Сталину, что не могу согласиться с секретным протоколом без консультаций с кабинетом министров и добавил: «Рузвельт ещё до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы».⁶ Непримируемая позиция сторон воспрепятствовала подписанию союзного договора, которое было главной целью приезда Идена в Москву.

Переписка по вопросу о советских границах между Иденом и Черчиллем, который находился в США, и другие записи в том виде, как они представлены в мемуарах Черчилля, заметно отличаются от содержания его беседы на эту тему с Майским 16 марта 1942 г. «У меня с самого начала не лежала душа к признанию советских границ 1941 г., – записал в своем дневнике И. Майский слова Черчилля, – но так как Сталин на этом очень настаивал, я в конце концов согласился границу признать».⁷ В мемуарах представлена иная точка зрения: «Меня очень встревожили сообщения Идена по его возвращении из Москвы о территориальных притязаниях Советов, особенно в отношении прибалтийских государств. Они были завоеваны Петром Великим и в течение 200 лет находились под властью царей. После русской революции они стали аванпостами Европы против большевизма. Прибалтийские страны должны быть суверенными и независимыми». Идену он телеграфировал в Лондон: «Мы всегда признавали существование границ России только *де-факто*. Они были приобретены в результате актов агрессии...».⁸ Рузвельт, на которого ссылался Иден, в беседе с М.М. Литвиновым 12 марта 1942 г. заявил, что «по существу, у него нет никаких расхождений с нами, никаких затруднений он не предвидит в связи с желательными для нас границами после войны».⁹ На Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав он предложил провести в Литве, Латвии

³ Документы внешней политики. Том XXIV. 22 июня 1941 г. – 1 января 1942 г. М., 2000. (далее: ДВП...)С. 321–323; Мировые войны XX века. Книга 4. Вторая мировая война. Документы и комментарии. М., 2005. С. 316–319.

⁴ Иден прибыл на крейсере «Кент» в Мурманск, а затем, в ночь с 15 на 16 декабря 1941 г. поездом в Москву. Его сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кагодан, личный советник О. Харви, представитель Форин Офис Ф. Робертс, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал А. Ней и другие лица. В Москву прибыл также посол СССР в Великобритании И.М. Майский.

⁵ ДВП... С. 501–510. Подробнее см.: *Ржешевский О.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 10–95.

⁶ The Eden Memoirs. The Reckoning L, 1965. P. 289, 290.

⁷ АВП РФ. Ф. 017а. запись от 16 марта 1942 г.

⁸ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том III. Великий союз. Пер. с англ. М., 1955. С. 674–675.

⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. 1941–1943. М., 1984. С. 155.

и Эстонии плебисцит, высказав уверенность, что «народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они это сделали в 1940 году¹⁰». Решение вопроса о признании советских границ затянулось на многие годы и оказывало негативное влияние на межсоюзнические отношения.

К 1941 году относится и возникновение проблемы второго фронта, которая в 1942–1943 гг. привела к серьезному кризису стратегии объединения усилий в борьбе против общего врага.

Впервые вопрос об открытии второго фронта был поставлен в послании главы Советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И.В. Сталин писал: «Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию».¹¹

В сложившейся обстановке второй фронт рассматривался как само собой разумеющееся условие успешного ведения войны союзниками по антигитлеровской коалиции, как стратегия, которая должна была привести к быстрейшему разгрому противника. Война на советско-германском фронте, где гитлеровское руководство сосредоточило основную массу своих вооруженных сил, создавала благоприятные возможности для активизации действий западных союзников непосредственно на европейском континенте. Однако Черчилль отклонил советские предложения, ссылаясь на недостаток сил и угрозу «кровопролитного поражения» десанта.

К февралю-марту 1942 г. относится разработка штабом армии США (одним из её участников был генерал Д. Эйзенхауэр, в то время заместитель начальника штаба армии) плана первоочередной мобилизации американского военного потенциала на борьбу с Германией и сосредоточения на Британских островах войск и техники для вторжения в Северную Францию. Направляя с этой целью военную делегацию в Великобританию, Рузвельт 3 апреля 1942 г. писал Черчиллю: «Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я, вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута».¹²

11 апреля Рузвельт пригласил к себе советника Посольства СССР А.А. Громыко и вручил ему личное послание на имя главы Советского правительства. Для обсуждения вопроса об открытии второго фронта Рузвельт предлагал направить для переговоров в Вашингтон советскую делегацию во главе с народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым¹³. Ранее был согласован визит Молотова в Великобританию.

В советско-американском и советско-английском коммюнике, опубликованном по итогам переговоров Молотова с Рузвельтом и Черчиллем (21.05.1942 – 10.06.1942) указывалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.». В ходе визита были также обсуждены, доработаны, а затем подписаны другие важные документы: Договор о союзе в войне и послевоенном сотрудничестве между СССР и Великобританией (26 мая 1942 г.) и Соглашение с США о взаимной помощи в ведении войны против агрессии (11 июня 1942 г.), юридически завершившие формирование союза трех ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Что касается заявления союзников об открытии в 1942 г. второго фронта (ряд западных историков не считают формулировку коммюнике обязательной), то английская сторона, формально поддержав коммюнике, на деле выступала против открытия второго фронта в 1942 г. Руководствуясь собственными стратегическими соображениями, Черчилль и британские штабы пришли к выводу о целесообразности высадки англо-американских войск в 1942 г. не на европейском континенте, а в Северной Африке. Чтобы склонить Рузвельта к отказу от открытия второго фронта в 1942 г., Черчилль через неделю после завершения встречи с Молотовым направился в США. Результаты переговоров с Рузвельтом (17–25 июня) явились «за-

¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее: Советский Союз на международных конференциях...) Том II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) Сборник документов. М., 1978. С. 168, 169.

¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее: Переписка...) В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М., 1976. С. 19.

¹² Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. Edited with a commentary by Warren F. Kimball. L. 1984. P. 441.

¹³ Переписка... Том второй. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэнном (август 1941 – декабрь 1945). С. 15, 16.

маскированной победой английской позиции» и фактически исключали «всякое вторжение на европейский континент даже в 1943 году».¹⁴

Надо сказать, что между Сталиным и Молотовым существовали разногласия в оценке подлинного значения формулировки о втором фронте, включенной в коммюнике. Молотов скептически относился к заверениям Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 г., в то время как Сталин считал реальным достижение этой цели. Подтверждением может служить телеграмма Сталина, направленная советскому послу в США Литвинову после отъезда Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для высвобождения морских транспортных средств с целью обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Рузвельтом Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время разворачивалось летнее стратегическое наступление вермахта, и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее Сталин 6 июня телеграфировал Литвинову: «Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж... [с] добавлением, что Советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г. в соответствии с тем, что это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в Европе».¹⁵

Предположение Сталина не оправдалось. 10 июня Черчилль во время последней встречи с Молотовым в Лондоне вручил ему «Памятную записку», из которой следовало, что открытие второго фронта в 1942 г. сопряжено с большими трудностями, и «мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе».¹⁶ В августе 1942 г., во время своего визита в Москву, он сообщил Сталину, что второго фронта в 1942 г. в Европе не будет.¹⁷

Литвинов, в свою очередь, информировал Москву: «Позиция президента в отношении второго фронта стала за последнее время более твердой. Если он раньше в разговорах на эту тему неизменно давал понять, что он лично признает необходимость высадки на европейском континенте, но что противятся этому англичане и его собственные военные советники, то при последних моих беседах с ним он старался придавать себе вид человека, абсолютно убежденного в неосуществимости в настоящее время высадки... Не подлежит сомнению, что он и в этом вопросе взят на буксир Черчиллем и его собственным военно-морским окружением».¹⁸

Решения англо-американской конференции в Касабланке (январь 1943 г.) не оставляли сомнений в том, что вторжение на европейский континент откладывается до 1944 г. Тем не менее Черчилль от своего имени и от имени Рузвельта 12 февраля направил советской стороне обнадеживающее послание: «Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, операции форсирования канала (Ла-Манша. – *О.Р.*) в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь».¹⁹ Но после очередной встречи с Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г. Отношения осложнило и согласованное между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом решение прервать до осени поставки по ленд-лизу в северные порты СССР, о чем 30 марта 1943 г. было сообщено Советскому правительству. (Почти половина переписки Сталина с Черчиллем и Рузвельтом в той или иной степени посвящена вопросам поставок по ленд-лизу).

Последовавший обмен посланиями ещё более накалил обстановку. «Должен Вам заявить, – писал глава Советского правительства в послании У. Черчиллю 24 июня, текст которого был направлен также Ф. Рузвельту, – что дело здесь идет не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных рай-

¹⁴ Тайны истории. XX век. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. Пер. с англ. Ред Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас, М., 1995. С. 258. (Примечание составителей английского издания).

¹⁵ АПРФ. Ф. 45, оп. 1, д. 232, л. 30.

¹⁶ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Том 1. 1941–1943. М., С. 248.

¹⁷ Советско-английские отношения... С. 265–271.

¹⁸ Советско-американские отношения... Том I. М., 1984. С. 251.

¹⁹ Переписка... Т. 1. С. 110.

онах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину».²⁰

Успех Красной Армии в битвах под Сталинградом и Курском, продвижение советских войск к государственным границам СССР свидетельствовали, что война близится к завершению. Становилось очевидным, что Советский Союз способен самостоятельно освободить народы Европы от фашистского ига. В этой ситуации западные союзники, опасаясь выхода советских армий в Центральную и Западную Европу раньше своих войск, активизировали подготовку операции вторжения во Францию.

Предварительно решение о проведении такой операции было согласовано на Квебекской конференции руководителей правительств и представителей командования США и Великобритании в августе 1943 г., а затем принято на Тегеранской конференции глав трех держав (28.11.1943 – 11.12.1943). В итоговом документе «Военные решения Тегеранской конференции» было указано, что второй фронт в Европе будет открыт в мае 1944 г. В документе было зафиксировано заявление Сталина о том, что «советские войска предпримут наступательную операцию в это же время с целью предотвратить переброску сил с восточного на западный фронт». В ответ на запрос союзников Сталин также сообщил о готовности СССР вступить в войну с Японией после разгрома Германии.²¹

Решения Тегеранской конференции в основном были выполнены. 6 июня 1944 г. войска союзников высадились на северо-западе Франции (операция «Оверлорд»), 15 августа – на юге этой страны (операция «Драгун»). Так был открыт второй фронт. 23 июня Красная Армия в поддержку операции «Оверлорд» развернула крупное наступление в Белоруссии (операция «Багратион»).²² Германия была зажата в тисках двух фронтов, что сократило сроки войны и число её жертв. Но за двухлетний период проволочки западных союзников с открытием второго фронта – с мая 1942 г. по июнь 1944 г. – только безвозвратные потери Советских Вооруженных сил (убитыми, пленными и пропавшими без вести) составили более 5 млн. человек.²³ В советском руководстве и массовом сознании сформировалось убеждение, что политика, проводимая западными союзниками с затягиванием второго фронта, носила преднамеренный характер и преследовала цели максимального ослабления нашей страны, о чем ещё в 1941 г. сделал заявление Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, будущий вице-президент и президент США. Опубликованное газетой «Нью-Йорк Таймс», оно стало широко известным: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах».²⁴

История второго фронта, открытие которого горячо приветствовалось в нашей стране, вместе с тем оставила в памяти воспоминания об ответственности западных держав за гибель миллионов наших граждан на фронте и в тылу в период 1942–1944 гг., о том, что жертвы и бедствия могли быть не столь велики при своевременном выполнении союзниками взятых на себя обязательств. Подозрения и недоверие к союзникам в этой связи также относятся к факторам, способствовавшим зарождению холодной войны. На фронте родилась солдатская поговорка: «Не кажи гопкинс, пока нет рузвельтатов».

В 1943 г., после битв под Сталинградом и Курском, среди генералитета, наиболее анти-российски настроенной части истеблишмента западных союзников, ещё четче стали проявляться тенденции к поиску путей, которые смогут облегчить вступление их войск в Германию и создать препятствия для продвижения на Запад Красной Армии. «Был снят вопрос о поражении СССР и тут же возник другой. Выгодно или невыгодно доводить дело до полного разгрома третьего рейха?»²⁵

В Национальном архиве США хранятся протоколы заседаний Объединенного Комитета начальников штабов США и Великобритании – главного органа западных союзников, который координировал их стратегию в годы второй мировой войны. К истории возникновения холодной войны непосредственное отношение имеет малоизвестный обмен мнениями высших военных руководителей Великобритании и США на заседании этого комитета 20 августа 1943 г.

²⁰ Переписка... Т. 1. С. 163.

²¹ Советский Союз на международных конференциях... С. 173.

²² В годы холодной войны «Энциклопедия Americana» информировала читателей, что «русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не продемонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников». (Encyclopedia Americana. N.-Y. 1987. Vol. 29. P. 437.

²³ Россия и СССР в войнах XX века. Историко-статистическое исследование. Под редакцией генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М., 2005. С. 296.

²⁴ The New York Times. 1941. 24 June. P. 7.

²⁵ Мальков В. Холодная война: истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия. XXI. 2007. Май-июнь. С. 42.

В заседании принимали участие: от США – начальник штаба президента адмирал У. Леги, начальник штаба армии генерал Д. Маршалл, главнокомандующий ВМС адмирал Э. Кинг, командующий ВВС армии генерал Г. Арнольд; от Великобритании – начальник имперского генерального штаба генерал (с 1944 г. – фельдмаршал) А. Брук, главнокомандующий ВМС адмирал Д. Паунд и главнокомандующий ВВС главный маршал авиации Ч. Портал, ряд других военачальников и советников.

Параграф 9 протокола «Военные соображения в отношении России» содержит следующую запись обмена мнениями: «Сэр Алан Брук обрисовал современную обстановку, касающуюся России. В целом русские сейчас более сильны, чем когда-либо ранее и, по его мнению, располагают резервами для дальнейшего наступления осенью. Немцы будут вынуждены держать все имеющиеся у них дивизии на русском фронте или даже усилить их. Это облегчит наши операции в Италии и Оверлорд. Он считает, что у немцев нет шансов договориться с русскими о мире... Генерал Маршалл коснулся формирования в России движения «Свободная Германия». Он располагает данными, из которых следует, что Россия все более враждебно и подозрительно относится к капиталистическому миру. Их недавнее заявление по «второму фронту» весьма показательны в этом отношении. Он хотел бы знать мнение начальника британского штаба относительно дислокации войск союзников, например, в случае подавляющего успеха русских – не окажут ли немцы содействие (facilitate) вступлению наших войск в [их] страну, чтобы отбросить русских (repel the Russians). Сэр Алан Брук сказал, что он давно видел опасность того, что русские используют войну для продвижения своих идей международного коммунизма».²⁶ Отметим в этой связи разработку командованием Армии Крайовой плана «Барьер» – диверсий на железных дорогах Польши с целью затруднить наступление Красной Армии. Стали известны и намерения командования Армии Крайовой прекратить диверсионные акции в отношении немецких военных эшелонов, которые направлялись на Восточный фронт.²⁷

С вступлением Красной армии на территорию стран Восточной Европы обострились противоречия по вопросу их послевоенного устройства. Важнейшей геополитической задачей Советского Союза, которую он считал необходимым решить в ходе войны в Европе, было создание на своих западных границах «пояса безопасности» с дружественными приграничными государствами. Западные союзники, в первую очередь Великобритания, напротив, стремились при поддержке США восстановить свои довоенные позиции в этих странах, связать СССР обязательствами о «разделе сфер влияния» до их освобождения Красной Армией.

В октябре 1944 г. Черчилль с этой целью прилетел в Москву. На Балканах он предложил следующий раздел сфер влияния: Румыния – 90% влияния России, 10% – другие, Греция – 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США) 10% – другие, Югославия и Венгрия – 50 на 50%, Болгария – 75% влияния России, 25% – другим странам. Встречающиеся в литературе советского периода утверждения, что Сталин этот план отверг, не соответствуют действительности.²⁸ Дискуссии и поиски компромисса были продолжены на уровне министров иностранных дел.

Принципиальное значение имело советское согласие на «90% влияния» Великобритании и США в Греции, где к власти уверенно шли коммунисты, что демонстрировало «признание» западной сферы влияния за пределами «пояса безопасности» и советскую готовность к послевоенному сотрудничеству. На встрече с Г. Димитровым 10 января 1945 г. Сталин отклонил его предложение оказать помощь силам ЭЛАС: «Они принялись за дело, – пояснил Сталин, – для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря, мы этого не можем делать».²⁹

«Процентное соглашение» являлось, на наш взгляд, реальной договоренностью о разделе сфер влияния, хотя и не оформленной официально, которая некоторое время соблюдалась. Си-

²⁶ National Archive of the United States. CCS 113 Meeting Combined Chiefs of Staff. Quadrant conference. P. 5, 6.

²⁷ Яковлева Е. В. Польша против СССР. 1939–1950. М., 2007. С. 248.

²⁸ См.: История дипломатии. Том IV. Дипломатия в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 499; История второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978. С. 472; Winston Churchill by Martin Gilbert. L. 1984. P. 991–1083. В октябре 1944 г. в Москву на переговоры британской стороной были приглашены премьер-министр эмигрантского правительства Польши С. Миколайчик, польский посол в Москве Т. Ромер и председатель лондонской Рады Народовой профессор С. Грабский. Сталин, в свою очередь, предложил пригласить представителей Польского Комитета национального освобождения (ПКНО) – временного исполнительного органа Крайовой Рады Народовой, созданного под эгидой советского правительства поляками, находившимися в то время на территории СССР – председателя Крайовой Рады Народовой Б. Берута, председателя ПКНО и министра иностранных дел временного польского правительства Э. Осубко-Моравского и главнокомандующего Войска Польского генерала М. Роля-Жимерского.

²⁹ Мировые войны XX века. Книга 3. М., 2005. С. 414. ЭЛАС – вооруженные силы греческого Сопrotивления, руководимые компартией. 12 октября 1944 г. войска Первого корпуса ЭЛАС освободили Афины, в конце октября – Салоники.

лового «экспорта революции» и однопартийных правительств в 1944 – начале 1945 гг. стремились избежать. На встрече с В. Гомулкой и Б. Берутом Сталин «наказывал терпеть Миколайчика (хотя и называл его “британским агентом”) и не отталкивать от себя католическую церковь».³⁰

Целей «большевизации Европы» не выдвигалось, что подтверждают документы Комиссии Наркоминдела, которые с 1943 г. занимались проблемами послевоенного устройства Европы.³¹ Нередко инкриминируемая советской дипломатии «экспансионистская» постановка в 1945 году вопросов об участии СССР в опеке союзников над бывшими итальянскими колониями в Африке (Ливия, Эритрея, Итальянское Сомали), возвращении в состав СССР приграничных районов Армении и Грузии, ранее принадлежавших России, безосновательна, о чем свидетельствует обсуждение этих вопросов руководителями трех союзных держав – СССР, США и Великобритании – и его результаты.³²

В феврале-марте 1945 г. возник т. н. «бернский инцидент» – попытка гитлеровской верхушки заключить сепаратный мир с западными державами. Переговоры с немецкой стороны вел генерал СС К. Вольф, со стороны союзников – руководитель американской разведки в Европе А. Даллес. Для участия в переговорах в швейцарский город Берн были направлены представители главного командования союзников на средиземноморском ТВД генералы Т. Эйри и Л. Лемнитцер. Обсуждался вопрос о капитуляции немецких войск в Северной Италии. Советских представителей на переговоры не допустили, что вызвало протестную переписку, в том числе между Сталиным и Рузвельтом. В конечном итоге переговоры с Вольфом были прекращены. Как призыв к восстановлению доверия между союзниками можно рассматривать последнее послание Рузвельта, полученное Сталиным 13 апреля 1945 г. уже после кончины американского президента.³³

Особой остроты достигли дискуссии о будущем Польши, воссоздание которой как враждебного государства на своих западных границах было неприемлемо для Советского Союза. Истоки сложившихся накануне и в ходе второй мировой войны негативных советско-польских отношений уходят своими корнями в далекое прошлое, когда Польша входила в состав России. Они обусловлены историей гражданской войны в Советской России (поход армии Пилсудского на Киев и контрнаступление Тухачевского на Варшаву в 1920 г.), гибелью десятков тысяч военнопленных Красной Армии в Польше, а также участием Польши в разделе Чехословакии (1938 г.) и её отказом разрешить пропуск советских войск через свою территорию в случае германской агрессии. Последний факт стал одной из причин неудачи англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г., которые, вероятно, могли предотвратить вторую мировую войну. После отказа в 1942 г. подготовленной в СССР армии генерала В. Андерса от боевых действий на советско-германском фронте, поддержки в 1943 г. эмигрантским пра-

³⁰ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумен: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006. С. 442.

³¹ См.: Филитов А. В комиссиях Наркоминдела / Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.

³² Указанные вопросы рассматривались на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Вопрос об участии СССР в опеке над бывшими итальянскими колониями или передаче этого вопроса на рассмотрение Совета министров иностранных дел (СМИД) был поставлен 20 июля 1945 г. как «Предложение делегации СССР по вопросу о подопечных территориях». После острой дискуссии между Сталиным и Черчиллем, который подчеркивал, что «британская армия одна завоевала эти колонии», было принято советское предложение, поддержанное Трумэнном, – передать вопрос на рассмотрение Совета министров иностранных дел. Однако он остался нерешенным и при подписании мирного договора с Италией (1947 г.). В 1950 г. Совет по опеке ООН передал Сомали под управление Италии на 10 лет. С 1960 г. Сомали – независимое государство. Эритрея в 1952 г. вошла на автономных началах в состав Эфиопии. Ливия с 1951 г. – независимое государство.

Вопрос о территориальных претензиях к Турции возник в июне 1945 г. в связи с более общей проблемой черноморских проливов и запросом турецким правительством условий заключения с СССР союзного договора 19 марта 1945 г. советское правительство денонсировало советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. как «не соответствующий новой обстановке и нуждающийся в серьезном улучшении». Причиной денонсации договора явилась враждебная по отношению к СССР политика Турции в годы Великой Отечественной войны (заключение 18 июня 1941 г. договора с Германией о дружбе и ненападении, пропуск немецких военных судов через Проливы в Черное море, сосредоточение крупной группировки турецких войск у советских границ и др.).

На Берлинской конференции условием нормализации отношений и заключения союзного договора СССР поставил возвращение части территории Советской Армении и Грузии, входившей в состав России до первой мировой войны – «известная территория областей Карс, Артвин и Ардаган», – пояснил В. Молотов; отмену международной конвенции в Монтре 1936 г., «По этой конвенции права Советского Союза в Черноморских проливах такие же как права японского императора»; совместную с Турцией оборону проливов с использованием для этой цели, наряду с турецкими, советских военных баз. В то же время было заявлено, что «если турецкое правительство считает неприемлемым урегулирование обоих этих вопросов, мы готовы заключить соглашение, касающееся только проливов». Ни один из поставленных вопросов решить не удалось. 30 мая 1953 г. Советское правительство заявило об отказе от каких-либо претензий к Турции. (Советский Союз на Международных конференциях... Том VI. Берлинская (Потсдамская) конференция... М., 1989. С. 39, 40, 144, 145, 158, 159, 407, 514.

³³ Переписка... Т. 2. М., 1976. С. 210, 220, 227, 228.

вительством немецкой версии расстрела польских офицеров в Катыни³⁴ негативные тенденции в отношениях с польским правительством в Лондоне резко ухудшились.

В самой Польше силы Сопротивления действовали по принципу политической принадлежности. Армия Крайова – под эгидой Лондона и эмигрантского правительства, Армия Людова – под эгидой Москвы и Польского Комитета национального освобождения (ПКНО). На стороне Красной Армии сражались созданные в СССР 1-я и 2-я армии Войска Польского, которое не признавали «лондонские поляки».

В период между Крымской (Ялтинской) конференцией руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.), и окончанием второй мировой войны (2 сентября 1945 г.) произошли события, которые оказали влияние на многие последующие десятилетия мировой истории, развернули её от курса на сотрудничество трех держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом, к холодной войне.

Первое из них – кончина президента США Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., которая привела к смене политического курса США и советско-американскому противостоянию. Ранее одним из показателей пересмотра этого курса американской администрацией, явилась, наряду с внутривнутриполитическими причинами, замена на выборах 1944 г. вице-президента Г. Уоллеса, сторонника продолжения сотрудничества с СССР, и избрание на этот пост Г. Трумэна.

Второе – резкое обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния. США и Великобритания, используя свои войска (как это было в Греции), экономическое давление и другие средства, взяли курс на подавление левых сил, восстановление и укрепление в странах Европы и Азии власти правительств прозападной ориентации. Такая политика по отношению стран Восточной Европы рассматривалась советским руководством как угроза возрождения «санитарного кордона» и военной опасности на западных границах СССР. Одним из «провозвестников холодной войны» явился в 1945–1946 гг. иранский кризис, завершившийся не в пользу СССР³⁵. В международном масштабе послевоенному разделу «сфер влияния» объективно противостояла нарастающая борьба народов колониальных и зависимых стран за свою свободу и национальный суверенитет.

Третье, и самое главное – монопольное овладение США атомным оружием, разрушительная мощь которого в августе 1945 г. была продемонстрирована бомбардировками японских городов. Это привело к изменению военного баланса сил между великими державами, планам США и Великобритании использования атомного оружия как средства силового давления в мировой политике и военных угроз, что вызвало послевоенную гонку вооружений, череду локальных войн и кризисов международного масштаба. Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и обстановку в мире было однозначно негативным.

Этой тенденции противостояли сложившиеся союзнические отношения великих держав, их совместные усилия и жертвы в войне против общего врага, что проявлялось в тенденции к продолжению их экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих тенденций во многом определяла «скачкообразный» (Д. Гэддис) характер изменений международной обстановки рассматриваемого периода.³⁶

После смерти Рузвельта, на похоронах которого Черчилль отсутствовал, последовал целый каскад недружественных, если не сказать – враждебных, британских и американских акций по отношению к СССР. В секретной переписке с Трумэном английский премьер начи-

³⁴ 13 апреля 1990 г. в заявлении ТАСС сообщалось об ответственности «за злодеяния в Катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных». Катынь, 1940–2000. Документы. М., 2001. С. 580, 581.

³⁵ В августе 1941 г. Великобритания и СССР по взаимной договоренности с целью устранения активно действовавшей в Иране немецкой агентуры ввели на территорию этой страны (СССР на севере, Великобритания на юге) свои войска. В 1942 г. к английским войскам присоединились войска США, что объяснялось необходимостью обеспечения транспортировки через Иран поставок по ленд-лизу. Был установлен срок вывода войск союзников из Ирана: не позднее шести месяцев после окончания второй мировой войны. Каждая из сторон стремилась в ходе войны к послевоенному контролю над нефтяными ресурсами Ирана. В США при поддержке иранского правительства действовали в этом направлении нефтяные компании «Стандарт вакуум» и «Синклер ойл», в Великобритании – компания «Шелл». В 1944 г. СССР, опираясь на поддержку своих сторонников в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане, поставил перед правительством Ирана вопрос о создании советской нефтяной концессии на севере страны, но получил отказ. Нефть не являлась самоцелью: советское руководство опасалось возникновения в послевоенные годы военной опасности на своих южных границах. После окончания второй мировой войны советское правительство задержкой вывода войск пыталось оказать давление на Иран и добиться права на концессию. Иранское правительство, ориентируясь на США и Великобританию, обратилось в ООН с требованием «рассмотреть факты вмешательства СССР во внутренние дела Ирана». К этому времени США и Великобритания вывели войска и советское руководство было вынуждено отступить от своей цели. В начале мая 1946 г. вывод частей Красной Армии из Ирана был завершён. Численность войск Великобритании, США и СССР ко времени их вывода с территории Ирана составляла соответственно около 25 тыс., 4,5 тыс. и 30 тыс. чел. Национально-демократическое движение в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане было подавлено властями Тегерана. Советско-иранские отношения нормализовались после 1953 г.

³⁶ Мальков В.Л. Холодная война. Истоки и уроки. Опыт интерпретации. Россия. XXI. 2007. №3. С. 57.

нает использовать по адресу СССР и Красной армии такие термины, как «железный занавес», «захватчики», «оккупанты». Командованию вооруженных сил направляются директивы о поддержании боевой готовности авиации, приостановке демобилизации оставшихся войск вермахта. Как выяснилось позднее, в эти же дни начальник имперского генерального штаба получил распоряжение провести исследование о возможности открытых военных действий против России. 13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти «тоталитарных или полицейских правительств». Главного «виновника» создавшегося положения Черчилль еще не решился открыто назвать. Но и без того многим было ясно, что имеется в виду Советский Союз. Если учесть, что, согласно опросам общественного мнения, в 1945 году около 70% англичан дружелюбно относились к СССР (к США – 45 %) ³⁷, то не исключено, что курс Черчилля на конфронтацию с СССР явился одной из причин потери консервативной партией парламентского большинства на выборах 5 июля 1945 г. (их результаты были объявлены 26 июля) и утраты Черчиллем поста премьер-министра. ³⁸

США в одностороннем порядке, без предупреждения, прекратили (11 мая 1945 г.) поставки в СССР по ленд-лизу, уклонились совместно с Великобританией от обещанного пересмотра конвенций по черноморским проливам, достигнутой предварительной договоренности о предоставлении СССР займа (6 млрд. долларов) для восстановления экономики, отказались включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам северную половину острова Хоккайдо, все чаще занимали в переговорах с советским правительством конфронтационные позиции.

Крайне негативное отношение западных союзников вызывало положение в странах Восточной Европы, особенно в Польше. Они выступили «единым фронтом» по польскому вопросу, требуя от советской стороны выполнения ялтинских соглашений в том виде, как они их понимали. Крайнее раздражение в Лондоне и Вашингтоне вызвал арест советскими властями шестнадцати руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Окулицким (бывшим начальником штаба армии Андерса в СССР), отряды которой действовали в тылах Красной Армии на территории Польши ³⁹.

1 апреля 1945 года Сталин получил от Рузвельта послание с выраженным несогласием с советской позицией по польскому вопросу. В послании в необычной для их переписки категоричной форме говорилось: «Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу» ⁴⁰.

Ключевым явился вопрос о составе польского Временного правительства национального единства. Его создание было предусмотрено решением Ялтинской (4–11.02.1945 г.) конференции и возложено на «комиссию трех» из представителей СССР, США и Великобритании. Между Великобританией, США и «лондонскими» поляками (имеется ввиду довоенное правительство Польши, находившееся в эмиграции в Лондоне) с одной стороны, и Советским Союзом и «варшавскими» поляками (промосковское Временное правительство, находившееся в Варшаве после её освобождения) с другой компромисса найти долгое время не удавалось. Премьер-министр эмигрантского правительства С. Миколайчик, которого Сталин предложил назначить премьер-министром нового правительства, претендовал в этом правительстве на половину мест. Лидер «варшавских» поляков, председатель Крайовой Рады Народовой Б. Берут требовал большинства для своих сторонников. (Переговоры состоялись в Москве 17–21 июня 1945 г.). В конечном итоге Временное правительство национального единства (его состав был объявлен в Варшаве 28 июня) было создано. С. Миколайчик занял пост вице-преьера, 4 его сторонника из 21 получили министерские посты. СССР, США и Великобритания официально признали это правительство и установили с ним дипломатические отношения. Было преду-

³⁷ Поздеева Л. Лондон – Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000. С. 293–294.

³⁸ Пост нового премьер-министра Великобритании 28 июля 1945 г. занял лидер лейбористской партии К. Эттли, который в это время находился на Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей трех союзных держав в составе английской делегации.

³⁹ Л. Окулицкий и его группа были в марте 1945 г. арестованы советскими военными властями. Им предъявляли обвинение в организации и руководстве подпольной деятельности в тылу Красной Армии. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Л. Окулицкого к 10 годам заключения. Умер в тюремной больнице в 1946 г. В 1990 г. реабилитирован. Подробнее см.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Т. 2. Варшава – Москва, 2001. С.1170 и др.

⁴⁰ Переписка... Т. 2. С. 215. Подробнее по этому вопросу см. новое исследование М. Ю. Мягова. Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945. М. 2006.

смотрено проведение в ближайшее время свободных демократических выборов в Польше. (Они были проведены только в 1947 г.) Но для Черчилля и его окружения эти решения, принятые по настоянию советской стороны и в условиях первоочередной необходимости обеспечить вступление СССР в войну с Японией, были неприемлемы.

В рассекреченных в 1998 году документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 года план экстренной операции «Немыслимое», подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обстановки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии (в английских документах, как правило, употребляется термин «русская армия» – *O.P.*) и западных союзников, а также картографический материал. Время поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г.

Заданию предшествовали мрачные размышления и выводы, которые Черчилль воспроизвел в своих мемуарах:

«во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
в третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
в четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;
в пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
в шестых, Вена, по существу – вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами;
в седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...»⁴¹

В апреле 1945 г., когда Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников, тем более актуальным представлялось Черчиллю создание «нового фронта» против Красной армии.

Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

– операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

– Великобритания и США получат полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне – *O. P.*) и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

– не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;

– иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

– начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции – «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Мотивы этого решения в документе не раскрываются. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых, эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. «Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы».

Для ликвидации «диспропорции», указывалось далее, необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуются время и, во-первых, размещение в Европе и использование в Европе крупных ресурсов США и, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

⁴¹ Черчилль У. Указ соч. С. 574.

«Мы делаем вывод, что:

а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно – чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время».

Из дальнейших документов следует, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого «Россия примет наши условия». Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин – Шнейдемюль – Быгдош и ось Лейпциг – Коттбус – Познань – Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

а) если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей;

б) численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели⁴².

План войны на время отложили. В 1946 г. ведение переговоров на эту тему было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Х. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Трумэнном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. Подбирались цели для атомных бомбардировок СССР. В сентябре последовала окруженная завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Но эти военачальники пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить.

Историография операции «Немыслимое» пока крайне скудна. Высказывая в 2002 г. на страницах журнала «Новая и новейшая история» свое мнение о её целях, известный британский исследователь второй мировой войны профессор Д. Дилкс пояснил, что заданием на разработку операции Черчилль стремился «выяснить, имеются ли у Великобритании и США реальные шансы для противодействия Советскому Союзу».⁴³

В связи с инициативами У. Черчилля возникают по меньшей мере два вопроса. Имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн. до менее 3 млн. чел., упразднен Государственный Комитет Оборона, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945–1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре – из Чехословакии, в апреле 1946 г. – с острова Борнхольм (Дания), в мае – из Маньчжурии и Северного Ирана, в декабре 1947 г. – из Болгарии и в 1948 г. – из Кореи. С 1949 г. началось постепенное увеличение численности советских вооруженных сил. Страна втягивалась в гонку вооружений.

Знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? Косвенно подтвердил это в 1998 г. видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план Черчилля помогает объяснить, «почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен в Москве, и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия».⁴⁴ Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Публикация в 2003 г. труда «Очерки истории российской внешней разведки» это подтверждает. В Москве знали о плане Черчилля и сделали соответствующие выводы.⁴⁵

⁴² Public Record Office. CAB 120/161/55911. P.1–29.

⁴³ Дилкс Д. Черчилль и операция «Немыслимое». Новая и новейшая история. №3. 2002. С. 140.

⁴⁴ The Guardian, 2.10.1998; Правда, 15.10.1998.

⁴⁵ Очерки истории российской внешней разведки в шести томах. Том 5. 1945–1965 годы. М., 2003. С. 20–21.

История подготовки новой войны против СССР требует дальнейшего документального исследования. Но замысел Черчилля действительно был «немыслимым». Личный врач британского премьера лорд Моран считал, что поступки Черчилля «в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением, иначе они необъяснимы»⁴⁶.

В то же время стороны ещё искали сближения. Г. Трумэн направил в Москву Г. Гопкинса, ближайшего соратника Ф. Рузвельта в качестве своего личного представителя для поисков выхода из «польского тупика». Одновременно в Лондон в том же качестве и той же целью Трумэн направил для переговоров с Черчиллем бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса. В ходе переговоров, происходивших в Москве с 26 мая по 6 июня 1945 г., было решено возобновить работу «комиссии трех» и предоставить полякам из противоположных лагерей самим решить вопрос о составе Правительства национального единства. Что касается переговоров в Лондоне, то Д. Дэвис констатировал «крайне враждебную позицию Черчилля к СССР». Тем не менее Черчилль заявил, что не будет препятствовать проведению политики США в отношении Советского Союза и согласился «попытаться исчерпать все средства, совместимые с их достоинством, для разрешения разногласий, существующих в «большой тройке»⁴⁷.

Программная антисоветская речь Черчилля в Фултоне в присутствии Трумэна (март 1946 г.) и резкий ответ на неё Сталина накалили обстановку до предела. Тем не менее до 1949 г. функционировал учрежденный на Потсдамской конференции Совет Министров иностранных дел (СМИД) в составе представителей СССР, США, Великобритании, Франции и Китая. СМИД провел значительную конструктивную работу по составлению мирных договоров для Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Финляндии и предложений по территориальным вопросам. Но возможности ослабления нарастающей напряженности в международных отношениях сторонами не были использованы.

Основными источниками послевоенной конфронтации явилось различие взглядов и политики в отношении стран Восточной Европы, западных и восточной зон Германии, атомная монополия США.

Знаток рассматриваемых событий, американский историк У. Кимболл, считает, что «мечта Рузвельта» о послевоенном сотрудничестве с СССР была изначально обречена принятым в 1943 г. совместно с Черчиллем секретным соглашением (tube alloys) не сообщать Сталину каких-либо сведений об англо-американских работах по созданию атомной бомбы, что «подорвало атмосферу доверия, к которой стремился Рузвельт в своих отношениях со Сталиным», хотя и «не было равнозначно началу холодной войны»⁴⁸. «Парадокс холодной войны, – полагает британский историк Д. Робертс, – состоит в том, что она явилась не следствием коммунистической угрозы Западу или конфликта между двумя сверхдержавами, а по той причине, что в Москве рассчитывали обеспечить сферы своего влияния в Восточной Европе и в то же время сохранить хорошие отношения с Великобританией и Соединенными Штатами»⁴⁹. Если такие расчеты действительно имелись, они были неосуществимы.

⁴⁶ Цит. по: Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 354.

⁴⁷ Feis H. Between War and Peace. The Potsdam Conference. L., 1960. P.125–126.

⁴⁸ Работы над атомным проектом, начатые в Великобритании, уже в 1942 г. фактически перешли под контроль США, которые развернули производственную базу для реализации проекта и обеспечили его финансирование. У. Кимболл сообщает, что Соглашение 1943 г. было принято по инициативе Черчилля. Научный советник английского премьер-министра лорд Черуэлл известил Вашингтон, что «Британия рассматривает бомбу прежде всего как средство сдерживания (обуздания) Советского Союза после войны». Оно было дополнено «Памятной запиской», которая явилась «самым важным соглашением Рузвельта и Черчилля», подписанным 18 сентября 1944 г. на их встрече в Гайд-парке. В «Памятной записке» подтверждалась необходимость секретности работ над атомным проектом, указывалось на недопустимость утечки о них информации, «особенно русским» и говорилось, что атомная бомба «может быть применена против японцев, которых следует предупредить, что такие бомбардировки будут осуществляться до тех пор, пока они не капитулируют». (Kimball W. Franklin Roosevelt as War Statesman. N.J.1991 p.87; The Complete Correspondence... vol. III p. 318; Говард М. Большая стратегия. Август 1942-сентябрь 1943. Пер. с англ. М., 1980. с. 440.) В. Л. Мальков, рассматривая «Памятную записку» и проблему в целом, делает обоснованный вывод: «Самое же главное состояло в совершенно недвусмысленно, даже категорично выраженной воле руководства США и Англии сохранить секретность, а вместе с ней и монополию на атомное оружие, использование которого (в данном случае против Японии) также должно стать предметом исключительно их компетенции. Советский Союз выключался из этого процесса полностью (Мальков В. «Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия.» М., 1995. с. 47, 48.). Ряд документов и решений, принятых правительством США в период 1943-начале 1945 гг., ставят под вопрос получившую распространение концепцию, согласно которой Рузвельт, в противовес Черчиллю, последовательно выступал за сотрудничество великих держав в послевоенный период.

⁴⁹ Review of International Studies № 25. 1999. P. 656. В своей новой книге Д. Робертс подтверждает этот вывод (Roberts G. Stalin's Wars. From World war to Cold war, 1939-1953. New Haven and London. 2006. P. 24.)